

Ашира Хаан

Урисжа

НА ДВОИХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ашира Хаан

Ириска на двоих

«Ашира Хаан»

2020

Хаан А.

Ириска на двоих / А. Хаан — «Ашира Хаан», 2020

Секс - это скучно. Чуть-чуть приятно и довольно суетно. Но без него вполне можно обойтись. Как и в принципе без людей. Мне хватает и виртуального общения. Так я решила однажды и была вполне спокойна и счастлива до момента, пока на мир не обрушилась пандемия. Застрять на Кипре во время карантина на самом деле не так уж и страшно. В пустом курортном городе, где все обходят друг друга за два метра, море набегает тяжелыми волнами на берег, как тысячи лет до этого и обещает, что все однажды пройдет. Но мое тревожное одиночество нарушили двое наглецов, у каждого из которых были свои демоны в душе. Ни улететь, ни переехать, ни сбежать - закрыты отели, закрыты границы. Однако с ними мне оказалось гораздо спокойнее, чем одной. И интереснее...Содержит нецензурную брань.

© Хаан А., 2020

© Ашира Хаан, 2020

Содержание

Где-то в середине марта	5
Зима будет долгой	9
Где-то в Пафосе	12
Между Италией и Кипром	14
Холодные каналы Марса и Венеции	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ашира Хаан

Ириска на двоих

Где-то в середине марта

Я проснулась от острого чувства тревоги. Само по себе это ничего не значило – последнюю неделю я просыпалась так каждый день и первым делом хваталась за телефон, чтобы прочитать в новостях, сколько еще людей заразилось коронавирусом, сколько от него умерло, и какая еще страна закрыла границы.

Сейчас я открыла глаза в темноту. До утра далеко – окна моей спальни выходят на восток, и я уже привыкла к ранним подъемам, а тут небо даже не посерело, значит, пока глубокая ночь. Что же случилось?

Но тут разбудивший меня звук повторился, и сердце мгновенно сорвалось с места, закуривая горло и не давая дышать.

Это дверь! Это щелчок замка входной двери!

Я села, резко и быстро дыша. Что происходит?!

Но тут замок щелкнул в третий раз и дверь открылась.

– Я же говорил, она поленится код менять. Какой смысл? – раздался хриловатый мужской голос.

– Купи себе футболку с надписью: «Я же говорил!», будешь просто молча на нее указывать, – прозвучал второй, тоже мужской, но намного мягче.

Кто это?! Воры?!

И говорят в полный голос, не понижая до шепота? Настолько обнаглели?

Я попыталась вдохнуть, сглотнуть трепещущее в горле сердце обратно, набрать воздуха в легкие, чтобы крикнуть, но тут же передумала.

Вокруг никого нет.

В этом доме по три квартиры на каждом из двух этажей, и уже две недели как я тут единственное живое существо, не считая черно-белого кота.

Обычно местные апартаменты сдают туристам на срок от суток до пары недель, но с тех пор как на острове объявили карантин, я живу одна во всем доме.

Скорее всего, код на электронном замке и правда нечасто меняют. Кому это нужно? Туристы приехали, пожили, уехали – и все. Раз в год – и то много.

Я как-то раз думала об этом, но вскользь. На Кипре низкий уровень преступности, никто не будет заморачиваться съемом квартиры через Airbnb, чтобы потом прийти к туристам, заселившимся позже и украсть их сувениры.

– Видишь, нам повезло, никого нет, – снова раздался первый голос, пока я судорожно соображала, что же делать. – Ну что – ты на диване, я в спальне?

– Пошел нахер, я с утра не разогнусь после этого дивана. Сам на нем спи! – в голосе, показавшемся мне более мягким, отчетливо прозвучало раздражение.

Понятно уже, что не воры. Воры не ругаются, кто где будет спать в квартире, куда они вломились.

Я подобрала под себя ноги и нервно закуталась в одеяло поплотнее. Всегда сплю голой, не выношу на себе ни единой нитки во сне. Но все мои шмотки висят в шкафу или валяются в ванной в корзине для белья. Расслабилась, бегала из душа в спальню голой, все равно вокруг никого нет, даже в окно не подглядят.

Кто же знал, что придется принимать гостей среди ночи?!

Сердце незаметно вернулось на свое законное место в груди, но билось так сильно, что было даже больно. Оно у меня и так не слишком здоровое, вечно колотится, как будто куда-то спешит, даже когда я сплю. Сейчас пульс наверное и вовсе запредельный.

– Я длиннее тебя, мне всю ночь ноги поджимать не улыбается.

– А у меня, как ты помнишь, спина.

– Ну и похер тогда, пошли вместе на кровать. Она, кажется, широкая была. Обещаю, не буду к тебе приставать.

– Вот только друга-пидараса мне не хватало. Как будто на работе их мало.

Голоса приблизились к двери спальни. Я вжалась в спинку кровати.

Щелчок, свет – и два темных силуэта в проеме двери.

– Опаньки!

– Вот это сюрпри-и-и-и-и-и-из!

– Ты кто?

Я кто? Я? Сами вы кто!

Но с моих дрожащих губ не сорвалось ни звука. Только пальцы комкали одеяло, а я искала какие-то подходящие к ситуации слова и не могла найти.

– Ху а ю? Вотс йор нейм? – перешел на английский тот, что повыше. А потом и на другие языки. – Пос сэ ленэ? Инглиш? Дойч? Эспаньол? Зовут тебя как?

– Ира... – вдруг прорвалось сквозь сдавленное горло.

– О, наша! – почему-то обрадовался второй. – Да не бойся ты, мы сейчас...

Меня вдруг сорвало с места, словно вымолвленное слово сняло заклятие обездвиживания. Наплевав на одеяло, на свою наготу, я прыгнула вперед, пытаясь дотянуться до телефона, который валялся на столике у зеркала.

Но один из гостей оказался быстрее. Он перехватил меня, обвил руками, обездвиживая, и почему-то весело сказал:

– Не-не-не, это лишнее.

Конечно, лишнее. Я понятия не имею, по какому номеру тут звонят в полицию. Но можно было бы запереться в туалете и погуглить? Наверное...

– Слушай, Ира, – гость все еще держал меня, очень плотно прижимая руки к туловищу – не шевельнуться. – Мы не воры и не насильники. Просто среди ночи в этом городе совершенно негде поселиться.

– Днем, боюсь, тоже будут проблемы, – хмыкнул второй, взясь с моим одеялом.

– Вероятно, – кивнул тот, что держал меня. – Так что, извини, мы тут у тебя посним.

– Ну что, все-таки диван? – тоскливо сказал тот, что повыше. Имен они все еще не назвали, но я их уже различала. Высокий был похудее, с темно-рыжими, едва заметно выющимися волосами. Тот, что меня держал – пониже и пошире, с косой челкой черных волос.

– Ничего подобного, – твердо возразил темноволосый. – Я не собираюсь там корчиться до утра.

Он осторожно ослабил хватку, но я не вырывалась. Куда бежать? Голой на улицу без телефона? Там сейчас едва ли плюс десять. Да и пока я буду возиться с замком, он меня сто раз поймает.

– Ну не выселять же даму, – развел руками другой. – Так что кто-то с ней, а кто-то на диване.

Что значит – кто-то с ней?! Вы же не насильники, сами сказали!

– Я на диване! – пискнула я в слабой надежде, что когда они уснут, я сбегу.

– Да молчи уж... – с досадой почесал в затылке темноволосый и потянулся, прогнувшись в спине. – Слушай, а почему не всем втроем? Кровать широкая, поместимся. Заодно ты ко мне через нее не полезешь домогаться, а она не сбежит за приключениями ночью.

– Посмотри, она и так дерганная, – кивнул рыжий на меня. – Куда ей еще втроем.

Я была не дерганная, меня просто била дрожь от холода и нервов. И я по-прежнему стояла голая на ледяной плитке пола в окружении двух незнакомых мужчин. От абсурда и нереальности ситуации кружилась голова.

Но в последние дни вокруг происходило столько всего нереального, что эта сценка казалась просто еще одним кирпичиком рушащейся крепости привычного мира. Просто еще одним.

– Не надо втроем... – пробормотала я.

– Господи! Да мы не о сексе! – закатил глаза темноволосый. – Ты в юности на вписках не спала, что ли, впятером на одном диване?

– Короче, ты как хочешь, – сказал рыжий, вдруг начиная снимать ботинки, стаскивать толстовку и расстегивать джинсы. – А я трое суток не спал. Сам с ней решай все. Меня нет.

И он, раздевшись до трусов и бросив вещи прямо на полу, упал в мою кровать, обнял подушку и мгновенно вырубился, несмотря на яркий свет.

Темноволосый посмотрел на него, вздохнул и повернулся ко мне:

– Ир, слушай, ну... – он протянул ко мне руку. Не знаю, что хотел сделать, но я отпрыгнула в сторону и предупредила:

– Я буду кричать.

– Окей, кричи, – еще тяжелее вздохнул он, скрестил руки на груди и посмотрел на меня усталыми, опухшими от недосыпа глазами.

– Помогите... – просипела я едва ли не тише, чем говорила до этого. Собралась с силами и постаралась погромче: – Помогите!

– Нет, стой, разбудишь, – обеспокоился темноволосый, сделал шаг ко мне, и несмотря на попытку увернуться, снова обхватил руками. Поднял – даже будучи ниже своего друга, он все равно был выше меня – вынес за дверь спальни, закрыл ее и снова поставил на пол. Руки, однако не убрал.

Здесь плитка была еще холоднее, и я переступила с ноги на ногу.

– Давай, – сказал он. – Теперь кричи и сопротивляйся.

Очень сложно звать на помощь, когда стоишь голая на ледяном полу рядом с совершенно спокойным человеком, который ничего плохого не делает. Тем более, что в квартирах по соседству все равно никого нет. Разве что кто-то на улице услышит крики с балкона. Но кто будет гулять посреди ночи?

Кажется, мой гость это тоже понимал.

– Помогите... – пробормотала я, уже понимая тщетность усилий. Я и просто так никогда не ору, где уж начинать в таких условиях.

– Стимул нужен? – понимающе спросил темноволосый.

– Угу, – мрачно отозвалась я, переминаясь с ноги на ногу и прикрываясь руками.

– Так не веришь? – он вздохнул, стянул жилетку, надетую поверх красного худи и вдруг схватил меня за запястья. – Ну, давай, я начну тебя насиловать. Ты покричишь вволю, и мы пойдем спать.

Он навалился сверху, опрокидывая меня на диван через подлокотник, накрыл сверху тяжелым телом. Под ним было гораздо теплее, особенно когда босые ступни не касались гладкой плитки.

– Кричи, – велел он.

А меня даже трясти перестало. Дома у меня было утяжеленное одеяло весом в пятнадцать килограмм. Я всегда под ним спала, когда срывало нервы. Он наверняка весит больше, и эта тяжесть, несмотря на всю опасность ситуации, что-то выключила в паническом центре моего тела.

– Не могу... – виновато сказала я.

– Не веришь? – он положил руку на мою шею сзади, поддерживая голову и накрыл губы бесцеремонным поцелуем, сразу врываясь языком в рот и хозяйничая там.

Это все еще не включило мое чувство опасности.

Наоборот, я вдруг вспомнила, что уже очень давно не целовалась. А я любила это делать.

Но, конечно, не с незнакомцами посреди ночи, которые угрожают меня изнасиловать, пока их друг спит под моим одеялом.

В принципе любила.

– А теперь? – терпеливо спросил он, оторвавшись от моих губ.

– Как кричать с закрытым ртом? – резонно поинтересовалась я.

И чуть не рассмеялась от абсурдности нашего диалога. Что он от меня хочет? Зачем? Что за дикая идея?

– Слушай, ну ты уже или кричи – или не кричи, – он откинулся на спинку, снимая с меня часть своего веса, и я чуть не попросила вернуться обратно. Стало холоднее и тревожнее. – А то я так выебу тебя по-настоящему, пока доберемся до криков. Или ты из тех, кто не поломается – не потрахается? Давай тогда завтра, устал чудовищно.

Охренеть. Как будто я приперлась к нему в дом и потребовала меня изнасиловать.

– Короче, давай, последний шанс покричать, – он посмотрел на меня с ожиданием. – Нет?

Я помотала головой.

Адреналин схлынул, я тоже вдруг ощутила дикуую усталость. Или подхватила от него – с эмпатией у меня всегда было отлично.

– Тогда пошли спать.

Он встал, стащил с себя худик, расстегнул джинсы и кинул их на спинку стула. Стянул футболку, оставшись в одних трусах.

Сгреб меня и споро потащил в спальню, я едва успевала перебирать ногами. Уложил на кровать под бок к рыжему, который даже не пошевелился.

Сам закрыл дверь, повернул торчащий в замке ключ и тоже лег, заперев меня между двумя мужскими телами.

И вырубился, так же быстро, как его друг.

Я лежала в той же постели, что и час назад, только теперь между двумя незнакомыми мужчинами, один из которых еще и закинул на меня тяжелую руку, а другой уткнулся в плечо носом. Словно в грудке горячих щенят – без сексуального подтекста. Они действительно зава-
лились просто поспать.

Согрелась я моментально.

И успокоилась. Паника и страх таяли в темноте спальни как туман, испаряясь от тепла, которое окружало меня с двух сторон.

Пожалуй, я не чувствовала себя так спокойно с самых первых дней пандемии.

Зима будет долгой

На Кипр я прилетела с первым днем весны.

Прошедшие три месяца запомнились мне как ад, в котором погасили вечные костры и вывезли грешников на реабилитацию. А меня оставили среди холодной тьмы, пахнувшей гарью.

Всю зиму я просыпалась, когда было еще темно, ставила чайник на выстуженной кухне, глотала сухой от батарей воздух, пока синий газовый цветок выжигал из него кислород. Заваривала быстрорастворимую овсянку и шла за комп.

Огромный заказ, свалившийся на нашу переводческую контору, просто некому было сейчас отдать. Все были либо заняты по уши, либо болели, либо просто не имели достаточного уровня языка для зубодробительных технических подробностей текста. От его выполнения зависело само существование фирмы, и мне пообещали двойную ставку, если я возьму свой максимум.

Курс доллара, падение нефти, финансовый кризис – тогда мы еще думали, что это дно, и от него надо очень-очень шустро отталкиваться, пока ил не засосал окончательно. Мне тоже были нужны деньги и стабильная работа, потому и согласилась. Пятнадцать часов в день я работала отрывками по пять, с перерывами на пожрать и выйти прогуляться ненадолго. Вечером, уже после заката, по хрустящему от мороза снегу – два круга по району, заскочить в магазин и обратно к станку.

Наверное, так себя чувствуют матери с младенцами. Бесконечный недосып, бесконечный день сурка, несколько часов серого света в окне, два или три раза за всю зиму выглянувшее солнце.

Но у них впереди есть самый главный просвет – ребенок, его улыбки, его первые шаги и первые слова.

А у меня по результатам была только стремительно обесценивающаяся сумма на банковском счету и невероятная усталость.

За зиму я совсем отвыкла от людей, поэтому идея полететь на пустой еще пока Кипр, где как раз все начинает расцветать, и с каждым днем становится все теплее, показалась мне интересной. До туристического сезона оставалось недели две, цены на жилье были еще низкими, а набережные – пустыми, и я заказала первый попавшийся горящий тур в один из уже открытых после зимы отелей.

Казалось бы – что могло пойти не так?

Эпидемия в Китае, несущийся вниз курс рубля, поправки в Конституцию – я не читала новостей, в них никогда не было ничего хорошего, а плохое было проще переживать постфактум. Вода нагревалась постепенно. Во всех смыслах.

Первого марта я пила вино, сидя в шезлонге с видом на беснующееся море, и под руки с громким урчанием мне лезли разноцветные кошки, положенные каждому туристу Кипра в неограниченном количестве.

Третьего – гуляла по археологическому парку и вполуха слушала гида, который пересказывал мифы Древней Греции своими словами, вставляя туда эротические новеллы похождения Зевса. Туристам был неинтересен даже Зевс.

Седьмого начала волноваться за бабушку, которая всегда паниковала раньше нас всех, и в этот раз решила побить все рекорды и уехать на дачу на два месяца раньше обычного. Забаррикадироваться там и жить, подбедая запасы засахарившегося варенья из подпола.

С трудом уломала бывшего коллегу отвезти ее туда на машине, закупившись по дороге в «Ашане» хотя бы крупами и макаронами и проверить, нормально ли топится печка. Запасы дров должны были остаться с осени, через месяц купим еще, если она не передумает.

Десятого на Кипре зафиксировали двух первых заболевших, и вот тогда все понеслось как с ледяной горки.

Через несколько дней я стояла у входа в гостиницу вместе с другими туристами, ожидающими автобус турагентства, который должен был отвезти нас в аэропорт. «Вывозной рейс» звучало как-то неприятно, я даже не могла найти определение, что не так с этими словами. Отчуждение. То ли нас от остающихся, то ли остающихся от нас. Кто-то из нас в этой ситуации должен был считаться смертниками, обреченными на заражение, а другие – предателями, которые спасутся ценой чужой беды. Но в мире все так перепуталось, что никто не понимал – опаснее уехать или остаться?

Удержится ли остров, закрывший границы, или превратится в огромный чумной барак?

Спасемся ли мы в последнюю секунду или наоборот, подхватим по пути в самолетах и аэропортах этот чертов вирус и заболеем уже дома?

Через открытые окна из ресторана было слышно работающий телевизор. Тревожные голоса дикторов, постоянно повторяемое: «Коронавирус, коронавирус» и все остальное по-гречески. Там собрался персонал отеля, теперь остающийся безработным. Они хотели бы услышать, что все это временно, что туристический сезон все равно начнется, просто позже на месяц-другой. Но никто в целом мире не мог их обнадежить.

Я покатила свой чемодан, покосилась на не видимое отсюда море. Ветер доносил запах йода и соли, но я даже не успела с ним попрощаться. У меня была еще неделя. Неделя прохладного моря, прогулок по берегу, ресторанчиков с рыбой и вином, бараниной и английским сидром. Неделя ошеломительных закатов, расцветающих цветов, покрывающих холмы, розовых лепестков миндаля и мандариновых урожаев на деревьях прямо в городе.

Я не успела съездить на камень Афродиты, сходить на местный рынок, поесть мороженого из фургончика, где почти полуметровый конус пломбира окунают в шоколадную глазурь и так выдают туристам.

И когда это все станет снова возможным – неизвестно. Страны одна за другой сворачивали перелеты, закрывали границы и даже самые оптимистичные прогнозы не решались отправить коронавирус на покой раньше середины лета. А пессимистичные называли страшные сроки в три-четыре года, за время которых человечество отвыкнет от дурацкой своей привычки путешествовать, от которой все беды.

Море манило. Горячее кипрское солнце грело кожу. Перспектива холодной мартовской России отсюда рисовалась исключительно в мрачных тонах. Там еще лежал снег, там нервные люди запасались гречкой, орали друг на друга в очередях, кашляли в метро:

– У вас что – коронавирус?!

– Нет, что вы, туберкулез.

– Фух, а я-то уж испугалась, что коронавирус.

Там снова была моя темная квартира, опостылевшая мне за зиму до такой степени, что хоть продавай и покупай новую. Любую другую, лишь бы не эту.

Конечно, через полтора месяца придет май и зелень, и лето, но это только через полтора месяца. А если оно опять будет холодным и дождливым, как в прошлом году? Но в этом уже не утешить себя тем, что поработаю ударно и можно будет позволить себе пару недель в теплых краях.

Перед герметизацией мира хотелось надышаться.

Но стоило мне сделать шаг в сторону моря – десять минут туда, десять обратно, зачерпнуть горсть воды, шепнуть: «Прощай!» и можно поплакать в самолете – как подрулил автобус с логотипом туроператора, и парочка крепких парней так быстро покидали чемоданы в багажное отделение, что я не успела вякнуть.

Пришлось прощаться с островом, последний раз глядя на него в окно. А потом стоять в душном аэропорту в очереди на регистрацию, скучать, переминаться с ноги на ногу, пока

работницы медленно-медленно рассматривали паспорта, расспрашивали о чем-то. Ни о какой безопасной дистанции между людьми хотя бы в метр не было и речи. Кто-то кашлял над ухом.

Внутри росла паника. Мозг обрабатывал сотни сценариев в одну секунду, пытаясь найти выход из этого кошмара. И кошмаром с каждой новой секундой все отчетливее казалось возвращение, четыре часа в воздухе в консервной банке, замкнутом пространстве, где наверняка окажется хоть один больной и мы спустимся с трапа троянским подарочком родине.

Наконец в голове что-то щелкнуло, и я зашла в «воцап».

Милана перебралась на Кипр несколько лет назад вместе с мужем-программистом. Сначала они продали квартиру в Москве и купили в Пафосе. Маленькую, зато у моря.

Но потом она нашла работу, мужа повысили, как-то сам собой получился ребенок – и они взяли ипотеку на симпатичный двухэтажный домик с апельсиновым садом неподалеку от британской школы, куда предстояло через год пойти их дочери.

А к морю приезжали иногда, оставались там ночевать или сдавали на месяц-другой в туристический сезон.

Я бы никогда не сумела так обнаглеть в другое время. Но сейчас все моя нервная система трещала от перегрузки тревогой и просто не оставалось места для смущения и неудобства.

«Милан, а ваша однушка в Пафосе сейчас свободна?»

Такси из аэропорта Ларнаки обошлось в сотню евро. Катастрофа.

Но сердце трепыхалось так радостно, что я даже не стала глушить тахикардию таблетками. От счастья можно и умереть. Не жалко.

Где-то в Пафосе

Второе пробуждение было более привычным. Головокружительный приступ паники, удушье, пробуждение. Рука сразу дернулась к тумбочке за телефоном, не нашла его, и только тогда я вспомнила, что все пошло не по плану еще ночью и резко села на кровати, распахивая глаза.

Спальню заливал яркий солнечный свет, полосатый из-за деревянных жалюзи. Жизнерадостные птицы орали за окном. Дверь спальни была закрыта, но за ней слышались негромкие мужские голоса, шум, вообще присутствие людей.

Это было так странно.

Я заселилась в эту квартиру, когда дом был уже почти пуст – туристы покинули тонущий корабль раньше официального закрытия перелетов. В соседнем корпусе кто-то жил, я видела что там вечерами горит свет. В первый день в квартире по соседству я слышала шум и разговоры, но уже на следующий люди оттуда выехали и только пару раз заходил хозяин полить цветы.

Вечерами к окну являлся черно-белый кот и требовал его покормить. Если я задерживалась с подношением кусочка котлетки, он садился на окно и смотрел на меня через стекло упрекающим взором.

Через дорогу в маленьких белых домиках жили киприоты, которые проводили карантин весело – танцуя под музыку, жаря шашлыки, а вечерами распевая песни. К ним отовсюду сбегались разноцветные кошки, апельсиновые деревья роняли плоды прямо под ноги и даже мусорщики задерживались там подольше, чтобы поболтать на безопасном расстоянии. Эти люди умели переживать кризисы, не теряя бодрости духа.

У меня же тут было абсолютное безмолвие и тишина.

Мне нравилось. Я вообще интроверт. В норме я предпочитаю общаться по сети, где можно просто закрыть окошко, если собеседник утомил. Зато общаюсь я там много, у меня по три десятка открытых чатов в разных мессенджерах и я занимаю первые места по количеству постов сразу на нескольких форумах.

Правда иногда у меня случаются романы, и тогда моя сетевая активность резко падает. Весь цвет моей общительности начинает доставаться одному возлюбленному. Как правило, долго они не выдерживают. Меня может быть очень много!

Последний мой роман закончился еще в начале осени и вообще-то на Кипре я планировала найти себе симпатичного грека, чтобы была компания ходить по барам и домашним ресторанчикам.

Или британца, говорят их тут даже больше, чем русских.

А русские тут на каждом шагу. Пафос – второй по заселенности соотечественниками город на острове. В ближайших супермаркетах продавцы говорят на родном языке и всегда есть в продаже соленые огурцы и сода. И, разумеется, гречка.

Надеюсь, перед карантином они хорошенько запаслись гречкой. Как известно, во время кризиса, русский человек поддерживает свои силы только этой крупой.

Первые пару дней в этой квартире я дергалась из-за случайных звуков – то листики прошуршат по крыше, то птицы уронят что-нибудь, тобрякнет старенький холодильник.

Потом привыкла.

Но теперь все изменилось. Как будто в опустевший дом въехала большая семья.

– Тш-ш-ш, не ори так, проснется.

Меня за этой дверью... ждали?

– Давно пора.

– А она, между прочим, так и не стала орать, чтобы тебя не разбудить вчера.

– Знаю я тебя, накрыл небось подушкой и оттарабанил, пока я дрых.

– Вообще-то я...

Но тут зашумела вода, и продолжения я так и не расслышала, как ни старалась. Отошла на цыпочках от двери, открыла неслышно шкаф, достала джинсы и свитер, быстро натянула первое попавшееся белье. И носки. Толстые теплые носки с силиконовыми точечками на подошве, потому что без них было очень холодно, а обычные скользят по гладкой плитке. В жару, наверное, по ней приятно ходить босиком, но до жары еще месяца два.

Я стояла, держась за ручки двери и не решалась ее открыть. Дала себе маленькую поблажку – высыпала в ладонь горсть таблеток: свои витамины, бета-блокаторы от сердца, успокоительные, которые все равно не помогали. Хотя без них, может, было еще хуже. Запила водой из бутылки.

И только тогда решилась выйти.

Тут же была замечена:

– О, привет, завтракать будешь? Марк, кончай воду тратить, она в душ захочет.

– Сам мой посуду в холодной.

– Вечером помоешь. Ир, ты иди, там как раз полный бак нагрелся.

И черноволосый махнул лопаткой, которой он только что ловко перевернул яичницу, в сторону ванной. Он стоял у плиты в одних джинсах и колдовал там сразу на двух сковородках. Пахло вкусно, хотя я не думала, что у меня будет аппетит после такой нервной ночи.

Рыжий, которого он назвал Марком, завернул кран, с брезгливым видом отряхнул от воды руки и проворчал:

– Нешто падре съест целое яйцо... Тут две тарелки оставалось, я бы домыл.

Мне сразу стало стыдно.

Вечером мне действительно было лень мыть посуду... уже три дня как. Это всегда квест: надо включить водонагреватель, подождать от пятнадцати минут до получаса, пока он согреет воду в баке, и успеть, пока вода не кончилась и не остыла.

Поэтому я обычно тратила все чистые тарелки в доме, а потом уже мыла их все разом. Мои ночные гости явились как раз под конец цикла, когда в раковине громоздились вавилоны грязной посуды

Несмотря на всю бредовость ситуации: ко мне врывается двое мужчин, угрожают изнасиловать, укладывают спать, а утром как ни в чем ни бывало готовят завтрак – самые острые эмоции почему-то вызвало вот это вбитое с детства «стыдно». Стыдно, что люди пришли, а у тебя грязно.

Посуда не мыта, под столом крошки, на комоде круги от чайных чашек, на террасе лужи от прошедшего дождя, кухонные полотенца не стираны все две недели, мусорное ведро полное, а холодильник – наоборот. Хозяйшка из меня так себе. Нормальные люди в тревоге дом пидарсят до состояния операционной, а я даже зубы забываю чистить, когда панические колокольчики звенят в голове день за днем.

Кстати, о холодильнике.

– Ириш, а чего у тебя пожрать не запасено? Я нашел только две стопки шоколадок с карамелью. Ты ими питаешься, что ли? – нагнал меня хрипловатый голос.

Я позорно быстро нырнула в ванную, чтобы не отвечать на этот вопрос.

Между Италией и Кипром

Когда работаешь дома и в основном по ночам, потому что тогда затихают соседи, тщательно выбираешь свое окружение, находя близких людей даже на другом краю мира, потому что все равно общаешься в основном по сети, довольно быстро перестаешь идти в ногу со всеми. И вот, пожалуйста, все торопятся домой, а я остаюсь, потому что виза позволяет мне пробыть тут еще пару месяцев. Все льнут к людям, а я только рада, что никто теперь не пристает с беседами на улице.

И все нормальные люди стыдились бы того, что двое незнакомых мужчин видели меня голый, а мои щеки заливают краска из-за немытой посуды, которую они увидели.

Я не ждала гостей! Я собиралась убраться в квартире перед тем, как улетать – когда вновь запустят рейсы или когда придется сдать в посольство из-за истекающей визы. Но каждый день приносил все более серьезные новости. С каждым днем мир схлопывался. Отменены полеты. Кто может, работает из дома. Закрыты все бары и рестораны. Закрыты все магазины кроме продуктовых и аптек. Закрыты заправки. Отменены автобусы по воскресеньям. Перестала работать почта. Рекомендуются не приближаться к людям на расстояние меньше двух метров.

Вся моя интровертская жизнь была идеальным карантином.

Но вдруг его нарушили именно в тот момент, когда я ожидала этого меньше всего.

Вода была еле теплой. Видимо, все-таки Марк потратил ее на посуду больше, чем думал. Или я слишком долго стояла, оперевшись на раковину, и дышала, пытаясь справиться с захлебывающимися меня чувствами паники и стыда пополам. Так что зубы пришлось чистить, морщась от холода.

А потом все равно выходить из своего убежища. Пусть ванная и запирается, но всю жизнь там не просидишь. Надо было выяснить, что собираются делать эти товарищи и не хотят ли они слиться куда-нибудь еще.

Завтрак был накрыт на террасе, больше нигде три человека бы не поместились. Это маленькая квартирка с одной спальней, рассчитанная на одного человека. Не мне, выросшей в однушке с родителями, сестрой и собакой рассуждать о том, что только спален в доме должно быть по числу жильцов, но я успела оценить и совмещенную с кухней гостиную и огромный балкон-террасу, и то, что дверь квартиры открывается прямо на улицу, в солнечный свет и зелень.

– Я Дима, – наконец представился черноволосый, жестом предлагая мне лучшее место на диване. Себе он притащил стул из гостиной. – Это Марк.

Рыжий развалился на плетеном кресле, закинув длинные ноги на бортик балкона. Перед ним стояла только чашка кофе. Мне кофе было нельзя – я нашла его при въезде в кухонном шкафчике, с наслаждением вдохнула аромат, но убрала обратно.

И так пришлось утроить дозу таблеток, но это не спасало меня от двух-трех приступов бешеного пульса в день. Обычно я старалась полежать в такие моменты, надеясь, что однажды мое бедное сердце не захлебнется кровью и не остановится, не выдержав гонки.

Передо мной поставили тарелку с яичницей с беконом и зеленый чай.

– Я угадал? – спросил Дима. – Чай стоял ближе всего в шкафчике, а в холодильнике кроме засохшего сыра оставалось только это.

Чай так стоял, потому что обычный мне пить не стоило, а зеленый был вроде как полезнее. Я каждый день смотрела на него и думала, что надо бы заварить, но тянулась к спрятанному за ним черному с жасмином. Не люблю этот привкус сена.

А яйца были последним, что я купила в супермаркете еще до момента, когда объявили полный карантин. Бекон, яйца и десять пачек спагетти. Они на самой верхней полке, он туда

не добрался. И много-много шоколада. С тех пор я еще ходила в ближайшие магазинчики для туристов, где кроме шоколада и соков из еды были только сувенирные упаковки оливок и оливкового масла.

Говорят, в супермаркетах к обеду кончается почти все, кроме самых дорогих продуктов, а очередь тянется по улице, аккуратно соблюдая полуметровое расстояние между людьми. Пока не проверяла, все равно ем один шоколад.

– Невкусно? – поинтересовался Дима, глядя, как я ковыряю яичницу. Аппетита не было. Хотелось нормального чая и сладкого.

– Вкусно, – буркнула я. – Но давайте к делу.

Во дворе напротив включили какую-то визгливую арабскую попсу, мимо по дороге одна за другой куда-то неслись машины, на балконах домов по соседству висели разноцветные полотенца.

Если не открывать ленту новостей, могло показаться, что жизнь идет своим чередом.

– К делу так к делу... – Дима вздохнул и кивнул Марку.

Тот откинул голову, ловя лицом теплые солнечные лучи. В ярком свете его темно-рыжие волосы вспыхивали огненными искрами, но брови и ресницы были темными и кожа не такая как обычно бывает у рыжих, не прозрачно-бледная, а чуть смугловатая и без веснушек.

– Все отели закрыты в связи с карантином еще минимум на две недели. Airbnb не принимает резервации для стран, выбравших политику изоляции. Я попытался связаться с владельцами квартир лично, но они боятся вируса, боятся внезапной отмены брони, боятся, что мы заплатим за неделю, а сами останемся жить до конца эпидемии, и власти запретят выселять тех, кто застрял в стране.

– То есть, это значит... – я очень не хотела понимать, что это значит.

– Прости, Ириш, мы останемся жить у тебя. На пару недель точно, – Дима сходил на кухню и тоже вернулся с чашкой кофе.

– Я против! Вы совсем охренели, что ли! – возмутилась я. – Сначала вламываться ночью, потом вообще остаться! Идите вломитесь в соседнюю квартиру, она пустая!

– Ломать дверь – это уже уголовка.

– Нам реально некуда пойти, Ир.

– Так позвоните в посольство! Я тут при чем? – я оттолкнула чашку с чаем от себя. Хотелось запустить ее в голову Диме. Или Марку. Я еще не знала точно. Но кидаться на двух здоровых мужиков не очень разумное поведение.

– Нам... не стоит светиться официально, – Дима бросил быстрый взгляд на Марку, тот скосил на него глаз, как дракон, но ничего не добавил.

– Зашибись... – я толкнула несчастную чашку еще дальше. Больше выместить досаду было не на чем, не яичницу же вилкой пырять. – А сюда вы как попали?

– На самолете. Из Греции.

– А в Грецию?

– Из Германии. А туда из Франции. Скатались на пароме в Англию. Но Димку не пустили, у него последний день визы был.

– Но вообще мы летели через Швецию, пытаюсь проскочить через границы раньше, чем их закроют.

– Был шанс отсюда поймать самолет до Австрии, но уже не сложилось.

– Стоп-стоп-стоп! – у меня аж закружилась голова от этой географической чехарды. – А куда вы рвались-то? И откуда?

– Из Швейцарии. В Италию.

Марк снова закрыл глаза и слегка поморщился.

Он говорил короткими рубленными фразами, очень неохотно, но, видимо, как и его друг, решил, что я заслуживаю хоть каких-то ответов.

– В Италии же коронавирус!

– Коронавирус сейчас везде, – очень мягко сказал Дима. – А Марку нужно сделать вид, что он последний месяц безвылазно сидел в Римини. Если бы прокатило, никто бы не стал проверять.

– Зачем? – заинтересованно спросила я. Какие-то шпионские страсти на пустом месте.

– А вот это не твоё дело, – Марк распахнул свои драконьи глаза, сверкнувшие на ярком солнце желтизной и посмотрел на меня в упор. – Ничего криминального. Этого достаточно.

Дима начал собирать со стола пустую посуду, а меня вдруг накрыло таким ужасом, что я даже забыла про стыд от того, что кто-то опять хозяйничает вместо меня.

– То есть вы, получается, в разгар пандемии были в куче аэропортов, в самолетах, на вокзалах... – сквозь пелену иррациональной паники не получалось даже сосчитать, насколько велика эта куча. Они наверняка не все упомянули.

– Если бы не разгар пандемии, самолет был бы всего один, – пожал плечами Дима.

Кажется, он даже не понял, к чему я.

– Вы же могли подхватить эту дрянь! Как вы вообще попали сюда мимо карантина?

– В карантин нам тоже нельзя, – Марк встал и стал собирать оставшуюся на столе посуду. Я отшатнулась, когда он наклонился за моей чашкой.

Он хмыкнул, бросил на меня короткий взгляд и ушел на кухню.

– Поздно уже дергаться, мы всю ночь проспали вместе, – прокомментировал Дима, доставая пачку сигарет из нагрудного кармана. – Тут курить можно?

– Нет, – отозвалась я, пытаюсь дышать медленнее и спокойнее. Мое сердце убьет меня раньше любого вируса, если я буду так реагировать.

– Даже на террасе? Ну окей, – он убрал сигареты обратно и пересел ко мне на диван. Я не успела дернуться, как он обнял меня и прижал к себе. – Могу тебе поклясться, что мы были крайне осторожны, держались подальше от людей и часто мыли руки.

Прикосновения. Все-таки мне здорово их не хватало. Друзья в интернете самые лучшие, но они не могут меня обнять. А может вот этот совершенно посторонний мужик и от его близости и тепла становится чуть легче.

– Не бойся, Ир. Все в конце концов будет хорошо. А пока не очень, люди должны помогать друг другу. Ты поможешь нам, а мы тебе. Хочешь денег? С чем-чем, с деньгами проблем нет. Но некоторые вещи сейчас не купишь даже за очень большие деньги. Разве что за совсем нереальные, но столько у нас нет.

Я подумала, что аппарат ИВЛ наверняка купишь. И вертолет до необитаемого острова, где можно переждать эпидемию. Так что надежды некоторых интернет-бойцов на смену власти в мире можно похоронить. Да, от вируса умирают в основном пожилые люди и заражаются тоже, но если президенты и шейхи еще не спрятались от него в изолированных комнатах, их вытянут, даже если они заболеют.

– Подите предложите денег вот им, – я кивнула на веселых киприотов в доме на противоположной стороне улицы. Уже с утра там гремела музыка, разжигали мангал и собирались жарить сувлаки.

Вот какой народ точно не победить. Каждый вечер, сначала по выходным, а теперь и в будни, они танцевали и пели, каждая семья строго в своем дворе, но на самом деле все вместе. И проезжающие машины радостно сигналили им, а прохожие улыбались и махали, не забывая, впрочем, расходиться со встречными по разным краям дорожки.

– Ты ведь уже согласилась, – Дима потискал меня как плюшевую игрушку. В нем не было угрозы как этой ночью. Хотя и ночью я так толком ее и не ощутила, несмотря на все его попытки.

Да, я уже согласилась.

Мир сошел с ума, и я тоже.

Мне было приятно, что меня накормили завтраком и позаботились.

Деньги, если честно, тоже казались не лишними. Летящий в пропасть курс рубля заставлял нервничать даже сильнее эпидемии. Точнее, они успешно соревновались за первое место, временами отдавая победу страху не выбраться с Кипра никогда.

Но было еще то, как я ощутила себя ночью. Когда меня отпустила тревога, уже несколько дней стискивающая голову железным обручем. Часто ее не берут даже рецептурные препараты, если только не углушиться ими до состояния умертвия, и за такие минуты можно заплатить очень дорого.

Собственно, я уже заплатила тем, что осталась здесь вместо возвращения домой.

Меня могло успокоить только море. Каждый вечер, когда солнце уже начинало потихоньку сползать к горизонту, я шла на берег. Сначала я ходила до дальнего супермаркета – почти час в одну сторону. Но с тех пор, как в Пафосе появились первые заболевшие, решила стать аккуратнее, все-таки по пути встречается слишком много людей. Теперь я гуляла недалеко, до пустынного пляжа, где встречала закат, сидя на шершавых камнях у воды, и оставалась там до тех пор, пока от ночной прохлады не начинали мерзнуть пальцы.

Зато прибор успокаивал меня достаточно, чтобы я мгновенно засыпала и спала шесть-семь часов. Это много. В Москве во время обострения получалось не больше четырех.

Ощущение нереальности, появившееся еще во время первых объявлений об отмене всех рейсов и закрытии магазинов, о мировой пандемии, о ежедневных сотнях смертей, заставляло кружиться голову. Вокруг происходило то, чего не было никогда. Все казалось нереальным, словно во сне. И по логике снов дальше произойти могло все, что угодно.

Но и я не была больше связана условностями обычного мира.

Я согласилась.

Холодные каналы Марса и Венеции

Дима выпустил меня из плюшевых объятий и встал:

– Ладно, если тут мы все решили, давай тогда я схожу за едой. Шоколадками питаться три недели мы не сможем. Где тут что?

– На самом деле даже не знаю толком... – растерялась я. – Тут есть несколько туристических мини-маркетов, где «Кока-кола», шоколадки и сувениры.

– Там ты и закупалась?

– Ну да. Нормальная еда в большом супермаркете в порту, там даже есть русский отдел. И вообще все говорят по-русски. Но я там еще не была с начала карантина, может быть, его уже закрыли.

– Ладно, понял. В крайнем случае пройдусь подальше.

Он вернулся в комнату, натянул кроссовки, попрыгал.

Марк складывал посуду в раковину, протирал кухонный стол и вообще хозяйничал, будто это я у него в гостях, а не он у меня.

– Вы на машине?

– Да, но я лучше пробежусь по берегу, сто лет у моря не был. Марк может пока помыть посуду.

– Это лучше, чем бегать по карантинному городу, – меланхолично прокомментировал тот. – Не целуйся там со всеми подряд дамами только, бога ради, у некоторых может быть скрытое течение.

– Вообще ни с кем не буду целоваться! – клятвенно пообещал Дима, прижав руку к груди. – Даже с Иришкой, ей, кажется, не понравилось.

– Да я сама могу помыть... – я смутилась от этих разговоров.

Понятно было, что Дима так вел себя ночью, чтобы побыстрее сломить мое сопротивление и пойти спать. Это оказалось эффективной стратегией. Но вспоминать было неловко.

– Я уже вроде бы сказал, что помою? – ядовито поинтересовался Марк.

– Это я сказал, – уточнил Дима. – Иришка могла решить, что ее долг хозяйки – отговорить нас.

Усердствовать в отговаривании я не собиралась. Ненавижу мыть посуду. Больше, пожалуй, только мыть полы. Но сейчас включились какие-то чертовы гены или чебурашки, которые заставляют меня из кожи вон лезть, чтобы показать себя хорошей хозяйшкой перед двумя такими годными самцами. И все равно, что эти самцы вломились ко мне с угрозами изнасилования. Наоборот! Задвинутый на задний план в обычное время ген выживания крайне радуется, что доставшиеся нам с ним мужчины такие агрессивные. Выживать будет проще.

Хотя пока ни о каком выживании речь не идет – никто не бежит по Пафосу с двустолкой и в противогазе.

– Нет, ну мы ворвались в чужой дом, надо как-то отработать, – хмыкнул Марк.

– То есть, вламываться в чужой дом вам совестно, а задвигать мои интересы – ок-норм? – уточнила я. – Я рассчитывала жить тут одна. И спать одна, а не тесниться с двумя огромными мужиками.

– Ир, у нас правда нет других вариантов.

Вот это мягкое «Ир», этот жест, его теплые пальцы вдруг накрывшие мою руку, которой я опиралась о кухонную стойку, неожиданная близость, хотя он с утра сторонился меня – все это от немного высокомерного и холодного Марка меня и сломало.

Где-то на заднем плане хлопнула дверь – ушел Дима. И тут же Марк сделал шаг назад и вернулся к уборке. Не оборачиваясь, он сказал:

– Давай, Димка вернется, и мы обсудим все еще раз. Занимайся пока своими делами, как если бы нас не было.

Легко сказать.

Мои дела в эти непростые дни по утрам заключались обычно в паническом чтении ленты новостей. Сначала российских, потом кипрских. В российских все было хорошо – аналитики прогнозировали, что эпидемия родины не коснется, а если коснется, то завизжит и убежит, организаторы концертов свято верили, что если в помещении меньше пятидесяти человек, пусть даже сорок девять, то коронавирусу туда ходу нет, турагентства продолжали продавать горящие путевки в еще не закрытые страны.

После рассказа Димы и Марка о том, что авиасообщение успевало прекратиться, пока они шли по трансферному коридору из одного самолета в другой, я бы не стала рисковать застрять в каком-нибудь Дубае. Это на Кипре прилетевших селили на карантин в опустевшие отели и кормили, вне Европы с гуманизмом было похуже.

Зато на Кипре царил паника. Где-то скупали туалетную бумагу и макароны, где-то устраивали распродажи, чтобы заработать хоть что-то перед тем, как все магазины закроются, люди собирались толпами, чтобы обсудить как жить дальше – и это особенно раздражало правительство, которое пыталось вырулить, не закрывая на задвижку вообще все, что шевелится.

Честно говоря, я бы сейчас многое отдала за срочную и тяжелую работу вроде той, что настигла меня этой зимой. Чтобы не было времени паниковать, думать, читать чужие истерики. И заработать на хомячьи запасы, которые я непременно начну делать, как только вернусь домой.

Но кому нужны переводы, если есть опасность, что к середине весны закроются даже самые крупные компании?

Я потеряла глаза, закрыла все вкладки с новостями и поняла, что хочу шоколадку, чтобы успокоиться. Но на кухне царил Марк: он нагрел воды, перемыл посуду, нагрел еще, оттер плиту, которую я изгваздала в первый же день, когда готовила курицу тандури, подмел, посыл полы, нагрел воду в третий раз и вымылся сам. Он двигался легко и ловко, словно это была не уборка, а контемпорари-танец с такими вот причудливыми движениями и глубокой концепцией. Если бы я напряглась, я бы даже написала к этому перформансу красивый текст, чтобы зрители сразу поняли, что это не просто так высокий и красивый мужчина моет унитаз и протирает стеклянный столик в гостиной – это что-то значит.

Если бы я просто смотрела такое видео, я бы могла в него влюбиться, настолько гармонично он был сложен, настолько ярко и необычно выглядел и при внешней безобидности – кто ждет подвоха от мужчины со шваброй? – внутри него таилась опасность, словно тлеющий на торфяных болотах пожар, спрятанный под землей. Я нисколько не сомневалась, что в любой момент он может переломить эту швабру о колено и вонзить мне в сердце острый край.

– Верни мне телефон, пожалуйста, – попросила я.

– Не знаю, где он, – вытирая голову полотенцем, Марк приземлился на диван рядом со мной. Я еле успела подобрать вытянутые ноги. Темно-медные волосы его распушились и выглядели светлее. – У Димки, наверное.

Он точным броском отправил полотенце в корзину для белья в ванной, взял меня за лодыжки и распрямил ноги обратно, уложив их к себе на колени. Откинулся на спинку, закинул руки за голову.

Футболку он надевать не стал, только выудил свободные спортивные штаны из стоящего у двери рюкзака. Очень был очень привлекательным. Очень. Хотелось облизывать взглядом все эти точеные мышцы и карамельного цвета кожу. Но я бы с ним не связалась никогда. От него за версту несет большими проблемами и темным прошлым.

Не знаю, о чем все это время думал Марк, но он внезапно повернул голову, застыв меня за беспардонным разглядыванием его загорелых жилистых рук, сплетенных из сухих мышц.

Всегда от таких тащилась. Вот, помню, как-то на работе наш гендиректор поменять бутылку в кулере и прошел мимо, неся двадцать литров воды одной рукой. Его предплечье с выступившими тугими жилами еще долго было одной из моих сексуальных фантазий. При том, что сам гендиректор был тусклым и нудным мудаком и в страшном сне не приснился бы мне в постели рядом.

А Марк не только приснился.

– Тебе не страшно здесь одной? – вдруг спросил он. – В чужой стране во время всемирной эпидемии?

– Я не одна, – я пожала плечами. – У меня куча друзей.

Повернула к нему экран ноутбука, на котором мигал десяток чатов.

– Но здесь, в реальности, – он обвел рукой крошечную светлую квартиру, которую я уже любила сильнее своей московской. – Ты одна.

Я потерла пальцами виски.

К сожалению, у реальности есть и такой минус – не могу его сейчас забанить одним щелчком мыши.

– Я не люблю, когда так говорят, – ответила ему. – Словно люди, настоящие живые люди, с которыми я общаюсь каждый день – не живые. Некоторым совершенно не нужно физическое присутствие близких, чтобы чувствовать их тепло.

– Но здесь даже в окрестностях никого нет, – продолжал он настаивать. – Не боишься?

– Кого? Если никого нет? – усмехнулась я. – Привидений? Несколько ночей в начале я слышала странные звуки. Вот такие.

В этот момент дверь в квартиру действительно скрипнула и дернулась. Марк напрягся всем телом – я почувствовала как рядом с моими ступнями закаменел его живот. Я отложила ноутбук, встала и открыла дверь. Толстый черно-белый кот высказал мне свое «Мрррррлл-лррррммрр!», а я полезла в холодильник за остатками бекона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.